

КРАСНАЯ ДЕТОШИСЬ

XX 443
201
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

51
1165
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ИСТПАРТА

№ 2 (17)

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА ВКП(Б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(Б)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

511-

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (17)

1926 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (17) — 1926 г.

стр.

I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

A. 1917 ГОД:

1. М. Г. Флеер—«Временное Правительство в борьбе с аграрной революцией»	5
2. А. Иванов—«Власть Временного Правительства в Новгородской губернии»	16
3. А. Хохряков—«Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 г.» (по воспоминаниям)	29

Б. ИЗ ИСТОРИИ 1-го МАЯ В ПЕТЕРБУРГЕ:

4. Н. Дмитриев—«Первое мая и Петербургское Общество заводчиков и фабрикантов» (1907—1914 гг.)	51
5. А. Славский—«Петербургские большевики в Первомайские дни 1913—1916 гг.» (по архивным данным)	82
6. А. Иванов—«Первое мая 1913 г. в Петербурге» (из воспоминаний)	102
7. А. Б-ский—«Первое мая в 1906 г. в Петербурге и окрестностях» (по архивным данным)	108

В. ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РС-ДРП (6).

8. М. М. Эссен—«Петербургская организация в конце 1902 г. и в первой половине 1903 г.» (из воспоминаний)	112
9. Г. Ш.—«За Нарвской заставой летом 1905 г.» (доклад Нарвского организатора Петербургского Комитета РС-ДРП)	116
10. Г. Шидловский—«Петербургский комитет большевиков в конце 1913 г. и в начале 1914 г.» (по воспоминаниям и архивным данным)	117

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.

11. П. Куделли—«Финал дела о Вере Засулич» (по неопубликованным материалам)	140
12. А. П. Чулошников—«Ленские события 4 апреля 1912 г.» (в освещении монархиста)	143
13. Е. В. Михайлова—«Письмо о Кинтальской конференции Пнессы Армаид»	161

*

III. Библиография.

	стр.
14. Д. Позднеев—«Сибирь в 1905 г. в освещении Сибирской печати» («1905 год в Сибири»—сборник Сибирского Краевого Истпарта; «1905 г. Революционное движение на Дальнем Востоке»—сборник Дальневосточного Истпарта; «Сибирские огни» №№ 4—5 за 1925 г.)	167
15. И. Троцкий—«1905 г. Предпосылки революции»—под ред. М. Н. Покровского	185
16. И. Троцкий—«Из юбилейной литературы декабристов» («Алфавит декабристов»—под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса; «Бунт декабристов»—под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева; «Декабристы в Забайкалье»—под ред. А. В. Харчевникова; «Кто были декабристы и за что они боролись»—Н. М. Дружинина; «Декабристы. 1825—1925 г.»—В. Селиванова)	187
17. Л. Щегло—«I Интернационал и русский социализм»—В. А. Горохова	192
18. А. Шебуни—«Народоволец А. Д. Михайлов»—А. Б. Прибылевой—Корба и В. Н. Фигнер	193
19. В. Рейхардт—«Легальный марксизм. 1876—1897 гг.»—Н. Ангарского	196
20. В. Петров—«Ленские события 1912 г.»—под ред. А. Лозовского	198
21. К.—«Революционное движение военных годов» (первый год войны и конец 1915 г.—Москва), т.т. I и II, —И. Меницкого	202
22. Т. И.—«Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России», том 2, —Э. Гершензона	205

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.

ФИНАЛ ДЕЛА О ВЕРЕ ЗАСУЛИЧ.

(По неопубликованным материалам.)

В свое время дело Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Тренова 24 января 1878 года, произвело сильное впечатление на широкие круги «общества». Молодая девушка выстрелом своим мстила дарскому сатрапу за его приказ подвергнуть наказанию розгами политического заключенного Боголюбова, сидевшего в Доме Предварительного Заключения, и этот варварский приказ был приведен в исполнение.

Прежде чем говорить собственно о последней инстанции дела о Вере Засулич, что впервые публикуется нами, не мешает немного оживить в памяти и самый судебный процесс и речи подсудимой и ее защитника.

Судебный процесс происходил с участием присяжных заседателей. Только в 1906 г. он был издан отдельной брошюрой Г. А. Галаниным, и, сколько помнится, больше не переиздавался, почему найти ее не так-то легко.

На вопрос председателя суда, что может сказать подсудимая о мотивах своего преступления, Засулич ответила:

«О происшествии 13 июля и о мотивах его я слышала в Петербурге от разных лиц, с которыми встречалась. Рассказывали о том, как в камеру врывались солдаты, как сажали в карцер; потом я слышала, что Боголюбову было дано не 25 ударов, а наказывали до тех пор, пока окоченел. Я, по собственному опыту знаю, до какого страшного нервного напряжения доводит долгое одиночное заключение. А большинство из содержащихся в то время в Доме Предварительного Заключения политических арестантов просидело уже по три и по три с половиной года, уже многие из них с ума посходили, самоубийством покончили. Я могла живо вообразить, какое адское впечатление должна была произвести экзекуция на всех политических арестантов, не говоря уже о тех, кто сам подвергся сечению, побоям, карцеру. И какую жестокость надо было иметь для того, чтобы заставить их все это вынести по поводу песнятой при вторичной встрече шапки. На меня все это произвело впечатление не наказания, а надругательства, вызванного какой-то личной злобой. Мне

казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало и в печати не появилось больше ни слова, и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы, — так легко найти другой, подобный же ничтожный предлог. Тогда, не видя никаких других средств к этому делу, я решилась, хоть ценой собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческою личностью. Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это прощствие... Я не видела другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать».

Итак, Вера Засулич хотела выстрелом своим не только отомстить Трепову, но и обратить всеобщее внимание на варварство самодержавия. Защитник подсудимой присяжный поверенный Александров в своей речи, между прочим, сказал:

«Кто был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видела и не знала его...

Господа присяжные заседатели, не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий, является пред судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении. Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазителям, были женщины, обогрившие руки в крови изменивших им любимых людей для своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деланий, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности, нужно признать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие. Не задумывайтесь. Немного страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешение тем, что, может-быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников».

Простая, искренняя речь подсудимой, довольно яркая речь защитника и сам по себе факт — зверское отношение к политическому заключенному не могли не произвести сильнейшего влияния и на присяжных заседателей, и на публику, в большом числе наполнившую зал суда, — и в результате был, как известно, вынесен оправдательный вердикт.

Председатель суда сейчас же обратился к подсудимой со словами: «подсудимая Засулич, вы свободны. Суд сделает немедленное распоряжение о вашем освобождении из-под ареста».

Это было 31 марта. И в этот же день, только уже после того, как Засулич при восторженных кликах собравшейся тысячной демонстрации вышла на улицу из ворот дома предварительного заключения, прокурором петербургской судебной палаты было получено следующее (за № 4843 от 31 марта 1878 г.) распоряжение министра юстиции графа Палена:

«Государь император 31-го сего марта высочайше повелеть соизволил: дочь отставного капитана девицу Веру Ивановну Засулич взять под стражу и содержать ее в доме предварительного заключения впредь до особого распоряжения.

Прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о немедленном приведении таковой высочайшей воли в исполнение».

Однако, высочайшему повелению не суждено было осуществиться, ибо освобожденная Вера Засулич успела очень быстро скрыться за границу. Но все же нельзя сказать, чтобы это повеление не оказало никакого влияния на судейские сферы. Прежде всех им вдохновился товарищ прокурора петербургской судебной палаты Кессель. Он составил мотивированный кассационный протест на приговор суда по делу о Вере Засулич и подал его на рассмотрение уголовного кассационного департамента правительствующего сената со своим заключением о необходимости отменить оправдательный вердикт окружного суда.

Было бы утомительно приводить здесь полностью все семь пунктов прокурорского кассационного протеста,¹ почему ограничимся только первыми двумя, так как этим именно пунктам и кассационный департамент сената придал серьезное значение. Привожу следующую выдержку:

«В С.-Петербургском Окружном Суде, по I отделению, с участием присяжных заседателей рассматривалось 31 марта 1878 года дело о дочери капитана Вере Ивановне Засулич, преданной Суду по обвинению в предумышленном покушении на убийство С.-Петербургского Градоначальника, генерал-адъютанта Трепова, т.-е. в преступлении, предусмотренном 9 и 1454 ст. улож. На основании отрицательного ответа присяжных заседателей на постановленный им Судом вопрос о виновности Засулич, последняя признана судом оправданной.

Такое решение присяжных заседателей, а равно и основанный на этом решении приговор Суда надлежит признать неправильными и подлежащими отмене со всеми их последствиями в виду того, что Судом при производстве дела о Засулич совершены были следующие нарушения существенных форм судопроизводства:

¹ Секретное дело 2-го уголовного отделения департамента министерства юстиции за 1878 г.

1. По вручении Засулич 16 марта 1878 года, утвержденного С.-Петербургскою Судебною Палатою, обвинительного акта, коим Засулич была предана Суду по обвинению в вышеозначенном преступлении, защитник Засулич, присяжный поверенный Александров, 21 и 22 числа того же марта, между прочим, ходатайствовал перед судом о вызове в судебное заседание по сему делу неспрошенных на предварительном следствии дворян Голоушева, Щиголева, Куприянова, Волховского, Петропавловского, Федоровича и дочери священника Кувшинской для допроса их в качестве свидетелей об обстоятельствах, вызвавших у сопровождавших произведенное по распоряжению генерал-адъютанта Тренова наказание содержавшегося в доме предварительного заключения арестанта Боголюбова. При этом присяжный поверенный Александров пояснил, что все указанные лица были очевидцами вышеозначенных обстоятельств наказания Боголюбова, что рассказы об этом наказании сделались потом известны Засулич и, как видно из ее объяснений, внесенных в обвинительный акт, повлияли на ее решимость совершить то деяние, за которое она была предана суду.

С.-Петербургский Окружный Суд, по I отделению, в распорядительном заседании 23 марта, в просьбе защитника Засулич о вызове указанных свидетелей отказал и отказ этот мотивировал тем, «что свидетели эти имеют показывать по обстоятельствам, не составляющим, по мнению суда, предмета настоящего дела, и что, по мнению суда, свидетели эти не могут разъяснить своими показаниями мотивы преступления, так как подсудимая не указывает, чтоб от кого-либо из них она слышала о причинах и поводах наказания Боголюбова розгами, и затем показания их не могут содержать в себе каких-либо достоверных данных для суждения о существовании тех рассказов, которые повлияли, по заявлению защитника, на ее решимость». Несмотря на такое определение, председатель суда, видимо убежденный в праве своем вызывать каких бы то ни было лиц в качестве свидетелей на счет обвиняемой по 576 ст. уст. угол. суд., разрешил защитнику Засулич, по новому его ходатайству от 24 марта, пригласить в судебное заседание по делу Засулич тех же вышеозначенных лиц по добровольному с ними соглашению, а 2-х из них (Волховского и Куприянова) распорядился вызвать на счет Засулич, несмотря даже на то, что в ходатайстве от 24 марта защитник Засулич, не указывая никаких новых обстоятельств, выяснение которых он признавал бы необходимым, сослался только на 576 ст. уст. угол. суд., другими словами, повторил, что он желает допрашивать этих лиц о тех же фактах, с целью выяснения которых он предъявил свое 1-ое, не уваженное судом ходатайство 21 и 22 марта. Согласно такому распоряжению Председателя Суда, во время судебного следствия по делу Засулич, были допрошены приглашенные защитником Петропавловский, Голоушев, Щиголев и Чарунина (она же Кувшинская) в качестве свидетелей тех фактов, о выяснении которых чрез допрос этих лиц ходатайствовал 21 и 22 марта защитник Засулич.

Допрос этих лиц надлежит признать явным нарушением 575 и 576 ст. уст. угол. суд. Указанные статьи устанавливают 2 различные порядка вызова и приглашения неспрошенных на предварительном следствии свидетелей, которые не помещены [в списке, приложенном к обвинительному акту, но о допросе которых просит участвующее в деле лицо. Применение того или другого порядка зависит (как это видно из текста 575 ст. и сопоставления этой статьи с 576), от большей или меньшей основательности причин, представляемых стороною в подкрепление своей просьбы, и большей или меньшей важности обстоятельств, подлежащих разъяснению чрез допрос этих свидетелей. Но, во всяком случае, из точного смысла этих статей устава явствует, что тем или другим определенным в них порядком могут быть вызваны в суд в качестве свидетелей только

такие лица, для вызова которых указаны участвующим в деле какие-либо причины, представляющие хотя некоторую долю основательности, и только такие лица, показания которых могут разъяснить какие-либо обстоятельства, хотя сколько-нибудь относящиеся к делу. Но если суд признает, что участвующий в деле просит о вызове или о дозволении пригласить в суд в качестве свидетелей таких неспрошенных на предварительном следствии лиц, для оправдания вызова или приглашения которых представлены участвующим в деле причины, не заключающие в себе решительно никаких оснований; если суд признает, что допрос этих лиц вовсе не может повести к разъяснению тех обстоятельств, которые хотя сколько-нибудь относятся к делу, то в таком случае лиц этих суд вовсе не может вызвать или предоставлять приглашать в судебное заседание и допрашивать в качестве свидетелей. Как в 575, так и в 576 ст. уст. угол. суд. трактуется о вызове или приглашении в суд не спрошенных на предварительном следствии «свидетелей», «свидетелем» же может быть считаемо только такое лицо, относительно которого предполагается, что оно имеет что-либо показать по делу; если же суд признает, что такое лицо ничего по данному делу показать не имеет, то, следовательно, данное лицо не есть свидетель по данному делу, а по какому-то другому, неизвестному ни суду, ни сторонам, участвующим в данном деле.

Применяя вышеизложенные соображения к делу Засулич и принимая во внимание, что защитник последней ходатайствовал о вызове в судебное заседание таких лиц, допросом которых в качестве свидетелей могли быть, по мнению защитника, выяснены мотивы преступления, в коем обвинялась Засулич, что окружный суд, отвергнув это ходатайство, признал, что допросом этих лиц не только не может быть выяснен мотив преступления, но что, кроме того, лица эти имеют показывать по обстоятельствам, не составляющим предмета настоящего дела; что после того, как состоялось такое определение суда, те же самые лица были тем не менее приглашены в судебное заседание по делу Засулич и допрошены в качестве свидетелей, без представления защитником Засулич каких-либо новых причин к допросу, а равно и без указания каких-либо новых обстоятельств, подлежащих разъяснению через допрос этих лиц, что засим через допрос этих лиц, выставленных защитником Засулич для засвидетельствования об обстоятельствах, вызвавших и сопровождавших показание арестанта Боголюбова, по распоряжению генерал-адъютанта Трепова, следствие по обвинению Засулич в покушении на убийство генерал-адъютанта Трепова обратилось в следствие о таких действиях генерал-адъютанта Трепова, которые, как признал суд, не составляли предмета дела и не могли выяснить мотивов деяния, в коем обвинялась Засулич, что такое направление следствия могло произвести на присяжных заседателей неблагоприятное впечатление относительно действий потерпевшего, надлежит заключить, что окружный суд, допустив по делу Засулич, при указанных обстоятельствах, допрос Петропавловского, Голоушева, Щиголива и Чарушиной (она же Кувшинская), нарушил 575 и 576 ст. уст. угол. суд., разъясненные решением угол. касс. департ. сената 1869 г. № 852, согласно которому не могут быть допрашиваемы такие лица, допрос которых может «запутать в интересах обвиняемого судебное следствие».

2. Вышеизложенное нарушение форм судопроизводства, само по себе безусловно существенное, еще более усилено было способом допроса вышеозначенных Петропавловского, Голоушева, Щиголива и Чарушиной (она же Кувшинская), которым, как видно из замечаний моих на протокол судебного заседания по настоящему делу, не было предложено рассказать все, что им известно по обвинению Засулич в покушении на убийство генерал-адъютанта Трепова, по

прямо было предложено рассказать, что они знают об обстоятельствах наказания Боголюбова.

Указанный способ допроса составляет столь очевидное нарушение 718 ст. уст. угол. суд., что я не вижу необходимости утруждать Правительствующий Сенат изложением доводов незаконности этого способа допросов.

Не мешает дать по этим пунктам небольшое разъяснение. Прежде всего, кто были эти свидетели — Петропавловский, Волховской и другие, вызов которых на суд был так неприятен товарищу прокурора? Это были политические, сидевшие в доме предварительного заключения. На суде они в своих показаниях рассказали и о том, что они видели, как во дворе сторожа связывали пучки розог, слышали потом стоны наказываемого Боголюбова и многие другие подробности в таком же роде, которые несомненно оказали свое влияние на решение присяжных заседателей. Показания политических заключенных были для них хорошей иллюстрацией, уяснившей им переживания Веры Засулич, решившейся при общем безмолвии так называемого общества поднять руку на виновника экзекуции.

Формальное правонарушение, повидимому, судом было допущено, но крайней мере, произошла какая-то путаница: суд то отказывает в вызове этих свидетелей, то вдруг председатель постановляет их «вызвать» на счет обвиняемой. Этим замешательством воспользовался защитник присяжных поверенный Александров, получивший от свидетелей нужную ему информацию перед лицом присяжных заседателей и находившейся в зале публички.

Кассационный департамент правительствующего сената, рассмотрев кассационный протест прокурора, признал веским только вышеприведенный нами кассационный повод товарища прокурора, остальные — почему на суде было прочитано сообщение из газеты «Новое Время» о наказании Боголюбова розгами и другие признал несущественными. И правительствующий сенат все же постановил: приговор окружного суда и решение присяжных заседателей по делу о Вере Засулич отменить, а для нового его рассмотрения передать дело в Новгородский окружный суд, о чем послать указы Новгородскому окружному суду с препровождением дела и С.-Петербургскому — к сведению. Следует отметить, что через несколько месяцев, а именно 14 декабря 1878 г., в распорядительном заседании соединенного присутствия первого и кассационного департаментов правительствующего сената петербургскому окружному суду за означенное опущение было вынесено замечание, о чем было постановлено дать знать суду особым указом. Что же касается председателя суда, то, принимая во внимание его «недостаточно осмотрительные действия», его поведение на суде и до него было признано кассационным департаментом заслуживающим взыскания в порядке суда дисциплинарного.

... Довольно в неприятном положении оказался между тем Новгородский окружной суд, который, получив дело Веры Засулич, должен был заняться новым его рассмотрением, — а подсудимая отсутствовала и где она — суду не было известно. Новгородский суд сделал распоряжение о сыске Веры Засулич через публикацию в сенатских и других ведомостях. Эта мера, конечно, ни к чему не привела.

Между тем III отделение собственной е. и. в. канцелярии по частным сведениям узнало, что Вера Засулич проживает в Швейцарии в Женеве, о чем и было дано знать Новгородскому окружному суду. Последний, через статс-секретаря Набокова постановил войти с представлением в министерство иностранных дел относительно розыска, задержания и выдачи нашим властям подсудимой Засулич и, кроме того, о вызове ее к суду сделать публикации в ведомостях, издаваемых на иностранных языках. Набоков обратился за разрешением к Александру Второму. Таким путем поднялся вопрос об экстрадиции. Российские власти, основываясь на конвенции, намеревались снабдить нашего посланника в Швейцарии всеми данными, которые указывали бы, что Вера Засулич судилась за покушение на убийство с заранее обдуманном намерением, что оправдательный приговор присяжных был отменен в кассационном порядке, и дело передано на новое рассмотрение в другой окружной суд.

Царское правительство при этом намеревалось скрыть политический характер покушения, так как, согласно той же конвенции политические преступники не подлежали выдаче. Но как это сделать, когда весть о наказании розгами политического заключенного в российской тюрьме, а также и о геройском поступке Веры Засулич облетела почти все европейские и американские газеты под самыми яркими заглавиями: «Российские башкибузук», «Сцены из тюремной жизни в России» и т. п.

Такой широкой гласности всего происшедшего не мог не учесть российский самодержец, почему главный начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии А. Дрентельн на представление статс-секретаря Набокова ответил конфиденциальным письмом, в котором сообщалось:

«... по делу Веры Засулич государю императору благоугодно было повелеть ограничиться формальным вызовом Засулич, но не требовать выдачи ее от Швейцарского правительства».

Вызов явиться к суду был напечатан в ведомостях, издававшихся на иностранных языках, но результат, конечно, остался прежний, и Новгородский окружной суд должен был прекратить начатое судопроизводство.

Таков был финал дела о Vere Засулич.

П. Куделли.